

МАРИЯ А. ГРАФОВА¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7331-6597

«Зловонное дыхание обывательщины на щеке революции»: борьба с мещанством в Советской России в эпоху нэпа

doi: 10.22394/2074-0492-2022-2-138-161

*Скажите, почему все коммунисты говорят,
что надо жить для человечества?*

По-моему, надо жить для себя.

[Криницкий 1924: 35]

(из обличающей мещанство пьесы 1924 г.,

молоденькая жена бывшего эмигранта — красному курсанту)

138

Резюме:

Революции делаются убежденными сторонниками радикальных идей, часто носящих почти религиозный характер, и противостоят им носители противоположных, но тоже акцентированных убеждений. Но большинству радикальные идеи и глобальные преобразования обычно малоинтересны. Перед этим большинством населения советской России, как только закончилась Гражданская война, стала задача приспособления к новой мирной действительности нэпа. Один из активно используемых терминов риторики советской России 20-х годов для такого приспособления — «мещанство». В дореволюционной России так называлась одна из категорий городского населения, а после смены строя единственным актуальным значением этого слова стало обозначение искателя благополучия и личного счастья любого пола и возраста, избегающего следования новой коммунистической квазирелигии и морали. Нередко искренне «верующие» в коммунизм и «мещане»-приспособленцы вынуждены были конфликтовать или находить компромисс в рамках одной семьи. На основании широкого спектра медийных, нарративных и санитарно-просветительных

1 Графова Мария Александровна — кандидат искусствоведения, доцент департамента мировой экономики и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Научные интересы: ранняя советская история, нэп, гендерная история, история повседневности, история семьи, история идеологии. E-mail: mgrafova@hse.ru

источников с использованием визуального материала мы проследим формирование окарикатуренного образа «мещанина» с его характерными жизненными адаптационными стратегиями. В их числе мимикрия под носителя актуальной идеологии (вступление в Партию, следование гибридным квазирелигиозным культурным практикам) с целью построения карьеры или устройства своей личной жизни. Будет охарактеризован феномен «мещанского» приспособления к государственной коммунистической идеологии, вплоть до «Великого перелома», когда нэп был отменен, и политическая, экономическая и культурная ситуация в стране резко изменилась. В числе прочего была свернута и борьба с «мещанством».

Ключевые слова: нэп, история повседневности, мещанство, история идеологии

Maria A. Grafova¹

HSE University, Moscow, Russia

“Fetid Breath of Philistines on the Cheek of the Revolution”: Combating the “Petite Bourgeoisie” in the Era of the New Economic Policy

Abstract:

Revolutions are started by ardent supporters of radical ideas, often of an almost religious nature, and they are opposed by carriers of opposite, but equally fervent convictions. But for the majority, radical ideas and global transformations are usually of little interest. As soon as the Civil War ended, this majority of the population of Soviet Russia faced the task of adapting to the new peaceful reality of the NEP. One of the actively used terms in the rhetoric of Soviet Russia in the 1920s for such adaptation is “philistinism”. In pre-revolutionary Russia, this was the name of one of the categories of the urban population, and after the change of system, the only actual meaning of this word was the designation of a seeker of well-being and personal happiness of any gender and age, avoiding following the new communist quasi-religion and morality. Oftentimes, sincere “believers” in communism and “philistine” opportunists were forced to either clash or find a compromise within the same family. On the basis of a wide range of media, narrative and sanitary-educational sources, using visual material, we trace the formation of the caricatured image of the “philistine” with its characteristic life adaptation strategies. Among them is mimicry of the carrier of the current ideology (joining the Party, following hybrid quasi-religious cultural practices) in order to build a career or organize one's personal life. The phenomenon of “philistine” adaptation to the state communist ideology will be characterized up to the

139

1 Maria A. Grafova — PhD of Art History, Associate Professor of the Department of World Economy and International Relations, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Research interests: early Soviet history, NEP, gender history, history of everyday life, family history, history of ideology. E-mail: mgrafova@hse.ru

“Great Break”, when the NEP was abolished, and the political, economic and cultural situation in the country changed dramatically.

Keywords: NEP, history of everyday life, philistinism, history of ideology

В этой статье речь пойдет о чрезвычайно актуальном для эпохи нэпа и в то же время загадочном явлении — мещанстве и борьбе с ним. Почему именно в этот период эта борьба развернулась так широко? Почему мещанин стал едва ли не главным антигероем публицистики того времени — многочисленных статей, карикатур, фельетонов и т. д., и куда он исчезает в 1930-е? И кто, собственно, такой этот самый мещанин?

В качестве теоретической рамки в данной статье мы использовали концепцию, предложенную в конце 1970-х гг. В. З. Паперным [Паперный 2016]. Эта концепция предполагает чередование в советской культуре, в частности, на примере архитектуры (возможна экстраполяция за пределы советской истории), двух тенденций. Первая из них, условно именуемая «Культура Один» (1920-е — начало 1930-х), предполагает разрушение старого, агрессивное внедрение творческих новаций, отрицание традиции. Вторая фаза, «Культура Два» (1930–1950-е) — напротив, переосмысление старой традиции и создание новой «классики» с опорой на старую. В контексте темы борьбы с «мещанством» граница также пролегает примерно на рубеже 1920–1930-х: стадия эксперимента в целом завершена, начинается цементирование политического строя. Заодно прекращаются попытки перестроить структуру семьи или вовсе ее отменить, отдать детей на воспитание государству, пытаться внедрить разного рода «коммуны» для упразднения бытовых обязанностей, мешающих женщине работать и участвовать в семейной жизни, и т. п.

Раздел историографии, посвященный мещанину, невелик. Попытки комплексно оценить и понять этот феномен единичны. В известной работе С. Бойм, посвященной теоретическому осмыслению мифологии повседневности, важное место уделено понятиям «быта», «пошлости», «мещанства», борьба с которыми велась в 1920-х гг. не только художественной интеллигенцией (что само по себе вполне традиционно для русской культуры), но прежде всего новой политической властью [Бойм 2022: 101–103]. В качестве наилучшего, с нашей точки зрения, общего обзора можно назвать монографию Тимо Вихавайнена «Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции» [Вихавайнен 2004]. Кроме того, необходимо отметить работы Натальи Лебиной, в частности монографию «Повседневная жизнь советского города» [Лебина 1999]. В книге Н. Б. Леби-

ной и А. Н. Чистикова, посвященной жизни рядовых горожан в эпоху реформ нэпа и хрущевского времени [Лебина, Чистиков 2003] (т. е., условно говоря, периодов расцвета «Культуры Один») авторы воссоздают широкую картину повседневности «маленького человека» в эпоху перемен, исследуя тонко варьированные аспекты обыденной жизни «обывателей», которым приходится приспосабливаться к быстро меняющейся действительности и наблюдать, как свертываются реформы. В данной статье в качестве справочного издания использована ее «Энциклопедия банальностей» [Лебина 2006]. Словник «Энциклопедического словаря истории советской повседневной жизни» Л. В. Беловинского [Беловинский 2015] более обширен, но менее проработан научно. Важной для этого исследования представляется тема рецепции новых советских праздников и заложенного в них идеологического смысла обычными «маленькими» людьми, обывателями. Сложности этой темы резюмированы С. Ю. Малышевой в ее книге «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927)»¹. Понять, как люди воспринимали направленный на них идеологический «рупор», куда сложнее, нежели по официальным и архивным источникам разобраться в том, как конструировалась эта новая идеология и ее ритуалы. Нужны так называемые «эго-документы»: дневники, письма, мемуары, которых по ряду причин мало. Данная работа призвана отчасти восполнить эту лакуну, поскольку объектом партийной сатиры был тот самый «маленький» человек, и его адаптационные механизмы, страхи и надежды отражены пусть в кривом, но все же зеркале публицистики эпохи.

141

Мещанин — загадочный враг эпохи

Сложности с изучением мещанства эпохи нэпа начинаются уже с попытки определить, кто же такой мещанин и чем он так отвратителен и опасен для нового общества Советской России. На эту проблему жалуются публицисты и активисты эпохи. «*Мещанство — страшный и неуловимый враг*. Трудно определить его лицо, но там, где мы улавливаем его черты, нужно бороться. Оно засасывает, оно

1 «Восприятие новой праздничности, пожалуй, одна из самых интересных и сложных проблем, с которыми сталкивается исследователь раннесоветской культуры... Одна из главных трудностей связана с обеспеченностью исследования источниками. Абсолютное большинство имеющихся источников по истории раннесоветских празднеств — это источники официального, “властного” происхождения (официальные планы, проекты и отчеты, программы празднований и сценарии, газетные репортажи и другие материалы), позволяющие лишь косвенно и довольно поверхностно судить о процессах их рецепции». [Малышева 2005: 136]

делает человека неспособным на борьбу, на порыв... Комсомолец не смеет отдаваться целиком своему благополучию» [Виноградская 1929: 65–66]. Можно ли найти ответ на вопрос, что же из себя представляет это «страшное», но «неуловимое» явление (рис. 1)?

Рис. 1. [Бегемот 1926 (40): 9] «За завтраком». Рисунок Г. Эфроса. Вот он, мещанин и приспособленец, объект критики и сатиры эпохи.

Fig. 1. [“Behemoth” 1926 (40): 9] “For breakfast”. Drawing by G. Efros. Here he is, a petit bourgeois and opportunist, the object of criticism and satire of the era.

В Российской империи термин «мещанство» имел прежде всего значение сословия, категории городского населения, в общем эквивалентное мелкой буржуазии. «Обыватель» — синоним «мещанина». Позже к этому значению прибавились и другие; в качестве «мещанских» стали маркироваться качества, характеризующие обычно как «мелкобуржуазные»: узость кругозора, мелочность, приземленность интересов¹. После событий 1917 года именно последние дополнительные значения и стали основными, поскольку структура общества радикально изменилась.

Как это часто бывает в резко идеологизированных дискурсах, из-за неопределенности термина «мещанским» маркировалось мно-

1 О происхождении термина «мещанство» и его значении в дореволюционной России см., например: [Иванова, Желтова 2009: 360 и passim]. О возникновении негативной моральной коннотации термина «мещанин» см. также: [Вихавайнен 2004]. С. Бойм пишет о процессе восприятия старой романтической интеллигентской идеи о борьбе с «бытом» и превращении ее в один из главных советских лозунгов эпохи нэпа [Бойм 2022: 53–67].

гое из того, что по разным причинам не нравится революционно настроенным носителям господствующей идеологии. Например, «мещанским» могло быть объявлено поведение женщины, которая не согласна удовлетворять половые потребности строителей коммунизма, «мещанами» могли заклеить вполне правоверных коммунистов, которые, однако, даже во имя идей всемирной коммуны не согласны отказаться от элементарных гигиенических навыков, как то: чистка зубов или привычка мыться и носить чистую одежду¹.

Чтение массива документов эпохи провоцирует недоумение. Если сделала девушка аборт — мещанство, если не сделала и требует брака — тем более мещанство. Если парень ходит с девушками в кино и тратит деньги — мещанство. Не ходит и не тратит — мелкобуржуазный накопитель. Купил про запас швейную машинку для будущей жены — конечно, мещанство. Узнав о беременности, разорвал отношения, «по-товарищески» предложил половину денег на аборт — «мещанское хамство» (рис. 2).

Такая широта толкований связана с тем, что жить в соответствии с идеалами революции мог только человек, убежденный в коммунистическом будущем и готовый здесь и сейчас «реформировать» личную жизнь в соответствии с идеологическими запросами. Примеры таких «верующих» известны, но в реальности их было мало относительно общей массы даже коммунистов. В коммунальных квартирах и общежитиях люди жили в подавляющем большинстве случаев по необходимости, и возможностью устроить индивидуальный быт немедленно пользовались. Повседневная жизнь руко-

1 Вот как «резюмировались» эффекты неопределенности термина «мещанин» в сатирической прессе эпохи: «У меня обида в горле / И свирепое лицо. / “Мещанин!” Чего не вперли / В это гибкое словцо! / Скажем, Н. Живет в квартире / Без клопов и без гитар, / Не обедает в трактире / (Несварение, катар), / Не ругнется “по мамашке” / (Потому что есть семья), / Носит чистые рубашки / (Потому что не свинья); / Иногда не прочь пролеткой / Заменить трескучий трам / И, о ужас, крепкой щеткой / Чистит зубы по утрам! / И молва готова славить: / “N. — ужасный мещанин! / (Честь имеем вас поздравить / Со днем ваших именин!) / Носит титул коммуниста, / Занимает видный пост, / А в квартире очень чисто / И — в манжетиках, прохвост! / Или М.: “Огонь девчонка! / Невозможно устоять! / И короткая юбочка, / И острижена на ять, / И сложение стальное, / И — на Ленинском пути, / И иное остальное — / Дальше некуда идти! / Ну и что же? Близок локоть, / А зубами — извини: / Не дает себя похлопать, / Т. е. даже ни-ни-ни! / Просвещали — ни на атом! / Даже ухом не ведет. / Ну а если, скажем, матом — / Покраснеет и уйдет... / Разве ж это комсомолка? / Обмещанилась к чертям! / И, глядишь, пошли уж толки / И молва плетет узор, / Что “такие комсомолки / Не несчастье, а позор!» / ... / И купаясь в этом зале / Низкопробных глупых фраз, / О великом о Лассале / Вспоминаю каждый раз. / До сих пор его огни нам / Ярko светят через мрак. / Этот — не был мещанином, / А носил, простите, фрак!» [Воинов 1926].

водства с первых дней революции и вовсе предполагала комфорт, спецснабжение и привлечение прислуги, что само по себе не опровергает их «веры в коммунизм»¹. Кроме того, в 1920-е была еще активна фракция партийцев, откровенно жалеющая, что Гражданская война с ее экстремальными условиями, исключавшими, в частности, всякое «мещанство», закончилась. Но стратегия большей части населения, родившейся и воспитанной еще до глобальных перемен, в годы нэпа заключалась в обустройстве «нормальной жизни» вне идеологических экстремумов.

Рис. 2. [Комсомольская правда 1927 (176): 3] Истинные приоритеты обывателя, притворяющегося комсомольцем. Рисунок Гр. Розе.

Fig. 2. [“Komsomolskaya Pravda” 1927 (176): 3] The true priorities of the petit bourgeois pretending to be a Komsomol member. Drawing by Gr. Rose.

Знакомство со справочной литературой эпохи² показывает, что попытки дать академическое определение «мещанства» предпринимались достаточно редко, да и они относятся главным образом к концу периода, когда проблема стала терять остроту: «Дайте отпущ от революции!» Этого требует сегодня мещанин. Его основная цель — получить специальность, стать «дельным человеком и думать о красе ногтей... Коммунистическая идея для него не знамя, не цель жизни, а выигрышная облигация... Узкий профессионализм, забота

1 См., например: [Слезкин 2019: 21–292].

2 Обнаружена только краткая статья «Обыватель» в Настольном энциклопедическом словаре-справочнике 1926 года издания (по крайней мере в одном стереотипном переиздании 1927 года она тоже есть) [Настольный энциклопедический словарь-справочник 1926: 283].

лишь о своей карьере, своем благополучии вышелушили в нем революционера, заслонили перед ним задачи коммуниста. Вопросы революции его не мучают, судьба ее — не волнует...» [Виноградская 1929: 5]. Любопытно, что в борьбе с идеей стабильности и житейского благополучия проявляется характерное для «Культуры Один» желание обновления и перестройки, сопряженное с разрушением старых паттернов.

Тем не менее к 1930 году статья «Мещанство» за авторством знаменитого борца с этим явлением Светланы Смидович появляется в Малой советской энциклопедии [Смидович 1930, (5): ст. 191–192]. Примечательны тут два обстоятельства: во-первых, это уже 1930 год, время ожесточенной борьбы с обывательством уходит (обзор основных кампаний см. у: [Вихавайнен 2004: 183–195]). Во-вторых, приводимое определение многословно и обтекаемо. В нем сочетаются «ограниченность кругозора», «обывательское стремление к личному благополучию», «оторванность от общих интересов коллектива», потеря «общественных перспектив» и «связи с классом». При этом уточняется, что само по себе стремление к уютному жилищу, красивой одежде и канарейке в клетке на окне не является доказательством того, что имеющий это стремление — мещанин. Встает вопрос о размытости критериев. Как измерить, достаточно ли времени и сил человек уделяет общественной работе, не увлекся ли он низменными соображениями личного комфорта? Есть, разумеется, пылкие адепты, вроде комсомолки по прозвищу Шило, которая, чтобы избежать клейма «мещанки», ходила в сапогах и грубой одежде, не зашивая образующихся дыр [Быт и молодежь 1926: 32]¹. Но относительно большинства населения возможны большие колебания в оценке того, насколько они погрязли в «мещанстве», что увеличивает риск «перегибов». Наличие «занавесочки и канареек» есть хотя бы определенный критерий, а вот насколько они «заполняют собой содержание человека и отгораживают его от коллектива», определить затруднительно.

Общий знаменатель приведенных определений сводится к тому, что «мещанин» — человек, ставящий личные интересы выше общественных, классовых, склонный к отрыву от коллектива. Цели употребления этого слова многообразны. Обвинение в мещанстве может служить инструментом общественного контроля: уличенного «мещанина» побуждают изменить поведение в соответствии с желанием обвинителя, выступающего с «партийной» позиции, — напри-

1 Дстойное место в рядах борцов за коммунизм комсомолка, возможно, и заняла, но, увы, при этом жалуется на то, что «ребята» (т. е., скорее всего, другие комсомолцы) упрекают ее в неженственности. Автор очерка едва ли ее утешил: посоветовал для надежности ходить в угольном мешке с прорезанными отверстиями для головы и рук (а можно и без прорезей) [Там же].

мер, девушка, не желающая уступить домогательствам, объявляется «мещанкой» (самая типичная ситуация); или же «мещанство» может быть поводом к тому, чтобы не допустить к постам и привилегиям (например, не принять в профсоюз или комсомол или исключить из них). В случае публицистического обобщения «мещанство» маркирует поведение, направленное на удовлетворение собственных желаний, а не жертвование ими в интересах классовой борьбы. Широта и субъективность трактовки понятия «мещанство» оставляет пространство для разного рода злоупотреблений, а также создает материал для сатиры, стремящейся заклеить как самого мещанина, так и «перегибы» в борьбе с мещанством.

В контексте эпохи нэпа мещане — это граждане, озабоченные более всего своими «обывательскими», «низменными» интересами: как жить удобно и с достатком, хорошо устроиться и при этом поменьше беспокоить себя и близких решением глобальных философских и идеологических вопросов, вроде того, насколько эффективно пролетариат борется за свои права, как быстро свершится мировая революция и т.п. В прессе этих лет распространены материалы, порой осторожно, а иногда едко осуждающие партийцев, не желающих признать, что Гражданская война закончилась, а привычные для революционных лет экстремальные моральные и бытовые нормы не применимы к мирному времени (рис. 3).

146

Обыватель приспосабливается к советской власти: «квартирка и красивый турецкий диван»

Работа с прессой 1920-х и архивами эпохи показывает, насколько быстро человеческое сообщество стирает из памяти пережитые ужасы и невзгоды, в частности, Гражданскую войну. Чтобы «перевоспитать» огромные инертные массы крестьянства и городское население (немногочисленная интеллигенция, пролетариат, а также то самое «мещанство»), требовалось значительно больше времени, чем полагала советская власть.

С одной стороны, сложился узкий слой адептов, готовых воплощать идеологические максимы в жизнь (рис. 4, 5). С другой — культурные и бытовые практики большинства идеологией были затронуты слабо. Решение примкнуть к сторонникам новой власти — вступить в комсомол или партию, стать активистом — зачастую диктовалось соображениями выгоды и комфорта. Эту адаптационную тактику и выбирают мещане в Советской России эпохи нэпа. «Адепты» оценивали эту тактику отрицательно: «[приходится бороться] в густом и тесном окружении злейшего мещанства, которое все еще не теряет... надежды на возрождение старого мира, во всей его гнусной прелести...» [Кем хотят стать наши дети 1929: 4]

Рис. 3. «Катализаторы» и критерии впадения в «мещанство» для комсомольца: галстук на резиночке, одежная щетка, гуталин, коробка порошка с зубной щеткой, мыло, гребень, чистый носовой платок с вензелем, томики Толстого и Пушкина и аккуратно заплетенная девичья коса с бантиком [Комсомольская правда 1926 (91): 3].

Fig. 3. "Catalysts" and criteria for falling into "philistinism" for a Komsomol member: a tie with an elastic band, a clothes brush, shoe polish, a box of powder with a toothbrush, soap, a comb, a clean handkerchief with a monogram, volumes of Tolstoy and Pushkin and a neatly braided girl's braid with bow ["Komsomolskaya Pravda" 1926 (91): 3].

Рис. 4. [Комсомольская правда 1926 (91): 3] Идеальные образцы граждан Страны Советов. Рисунок И. Кулешова.

Fig. 4. ["Komsomolskaya Pravda" 1926 (91): 3] Perfect citizens of the Country of the Soviets. Drawing by I. Kuleshov.

Рис. 5. [Степная Крестьянская газета. 13 января 1927] К годовщине смерти В. И. Ленина (21 января 1924 г.). Крестьянин, заменяющий поклонение иконам на поклонение портрету Ленина.

Fig. 5. ["Steppe Peasant Newspaper". January 13, 1927] On the anniversary of the death of V. I. Lenin (January 21, 1924). A peasant who replaces the worship of icons with the worship of a portrait of Lenin.

148

Тактики приспособления к требованиям эпохи создавали на повседневном уровне своеобразную смесь «старого быта» и атрибутов новой жизни. На карикатуре в журнале «Бегемот» (рис. 6) изображен «мещанский» интерьер, сочетающий в себе характерные элементы (самовар, фикусы, герани, веера на стенах) и маркеры лояльности по отношению к новой власти (портрет Калинина на стене). Мещанин жалуется жене: «Не понимаю я, Маша, чего они хотят... "Мещанин, семейный уют, канарейки!.." Ну какой, к черту, я мещанин, ежели у меня даже в клетку громкоговоритель поставлен» [Бегемот 1926 (45): 6].

В агитационной и сатирической литературе и публицистике женщина в семье предполагается фигурой менее образованной и более склонной к устаревшим практикам. Супруг из фельетона в журнале «Смехач» возмущается тем, что вынужден есть на обед «отсталую буржуазную котлету старорежимного строя», в ответ на что жена язвительно обещает в качестве замены «суп из буденовки и жареную "Правду"». У нее в спальне отдельный календарь старого стиля, в котором «первое мая... замазано чернилами, а дурацкое благовещение раскрашено красным карандашом», она буквально живет в другом времени, нежели ее супруг [Мазовский 1924: 15]¹.

1 При работе с публицистическими источниками стоит учитывать идеологическую поправку: представление о том, что верующими являлись

Рис. 6. [Бегемот 1926 (45): 6] Рисунок А. Юнгера.
Fig. 6. ["Behemoth" 1926 (45): 6] Drawing by A. Junger.

«Комсомол — ширма до свадьбы», или Зачем девушке нужен комсомол

Отдельным поводом для осмеяния выступают внеидеологические поводы вступления в партию. Они гендерно диверсифицированы. Девушки стремились найти перспективного жениха: комсомолок было существенно меньше, чем комсомольцев, что повышало шансы на успех. В газете «Пушка» была опубликована целая серия сатирических очерков в стихах, посвященных «совбарышне» (т. е. объекту сатиры, беспартийной девушке, служащей секретаршей или машинисткой, ищущей развлечений и в идеале выгодный брак) Клаше Зюкиной, юной мещанке, пытающейся совместить традиционные устремления (найти престижного кавалера, отдохнуть за его счет и выйти замуж) с имитацией активного участия в советской жизни (рис. 7): Клаша то по ошибке участвует в «кампании» перевыборов Со-

в основном женщины, причем преимущественно преклонного возраста, не соответствовало действительности [Жиромская 2000: 108–109].

ветов («...я думала, будет вино, маленький чарльстончик или фокстротик. Ну, наконец, позовет в кино или прокатит, Котик!...») [Пушка 1928 (46): 12]; то принимает приглашение в клуб, но вместо приятного времяпрепровождения оказывается на антирелигиозном мероприятии¹.

Рис. 7. [Пушка 1928 (45): 10] Клаша Зюкина за работой (т. е. написанием писем своим многочисленным родственникам и подругам).

Fig. 7. ["Pushka" 1928 (45): 10] Klasha Zyukina at work (ie, writing letters to her numerous relatives and friends).

И. Лин рассказывает о комсомолке, желающей, чтобы ее «выписали из комсомола», потому что консервативные родители жениха требуют венчания. Выясняется, что на самом деле молодому человеку наскучила невеста, и он придумал историю с родителями в надежде, что девушка сама его бросит, но не учел, что бывшая подруга пошла в комсомол именно для того, чтобы найти жениха [Лин 1925: 53–54]. В другой истории комсомолка «обмещанилась», вышла замуж за «нэпача» и ушла из комсомола, потому что в клубе не была налажена культурная работа, не учили танцам. За ней на танцы поспешили подруги с фабрики, которые предпочли комсомолу «лакированные туфельки, золотое кольцо, маэстро Гиммельмана» [Шор 1929: 126].

По словам критиков мещанства, иногда девушки уже вполне откровенно признаются в истинной подоплеке вступления в комсомол: работница-комсомолка хорошо получает, две трети заработка тратит «на маникюр, краски, шелковые чулки и танцевальные вечера», ради которых красится по вечерам по два-три часа. Цели свои не скрывает: «Скорей бы обвенчаться (sic! девушку устроит только церковный брак. — М. Г.), а потом я бы совсем ушла из комсомола»

1 «Я думала — будет елка (потому что Рождество, 7 января. — М. Г.), по крайней мере — фокстрот, а там одни комсомолки и перед пьесой — отчет... У меня задрожали ноги и потемнело в глазах: что они говорят о боге и о святых местах! Я и сейчас пылаю и уши мои горят...» [Пушка 1929 (2): 7]. Но «батюшка», к которому Клаша пошла каяться по поводу того, что «осквернила рождество», разъяснил ей ситуацию довольно неожиданным образом: сообщил, что комсомол «учинен» от властей, то есть и греха тут большого нет. А позвавший ее в клуб «эстрадник» «сегодня... правда, в клубе, а завтра поет повечерие...» [Там же].

[Рафаил 1928: 82]. В «Комсомольской правде» за 1925 год сообщается, как о типичном явлении, о «некрасивой истории»: некий Миша Пальзянюк, зав. общим отделом местного комсомола, предприимчивый молодой человек и «светский ухажер», обеспечил одной «милой» по отношению к нему барышне «беленькую карточку кандидата» в обход ячейки и комитета комсомола [Зоркий 1925].

Возникает вопрос, почему «идеологически несознательные» женщины ищут «выгодную партию» в рядах партактива?

«Друзья у меня и на фабрике есть, а жена — дело другое»

Члены партии и комсомола в данных условиях имели доступ к разного рода ресурсам, возможность сделать хорошую карьеру и должным образом обеспечить жену. Однако здесь возникал парадокс: зачастую коммунисты не хотели жениться на комсомолках, предпочитая «обычных» женщин. Из полемики, приложенной к сборнику Л. Д. Троцкого «Вопросы быта» в 1923 году: «коммунисты на комсомолках ни за что не хотят жениться, потому что, говорят, она будет-де бегать на собрания, никогда не сварит ему обеда, не будет стирать ему белье и т. д. Коммунисты говорят, что лучше им жениться на беспартийных, которые будут дома, будут заботиться о детях и соблюдать домашний порядок. Это мнение очень широко распространено. Коммунисты говорят, что если они женятся на коммунистках, то дети у них будут умирать и семья будет ходить драная» [Троцкий 1923: 125].

151

Комсомолка возмущается «нездоровым элементом» среди комсомольцев, предпочитающих «накрашенных дочек нэпманов», потому что те поют приятным голосом романсы, аккомпанируя на пианино, а у их родителей можно встретить самый любезный прием, не то что в рабочей семье. «И потом, вообще не интересно жениться на работнице, да еще комсомолке и таскаться с ней по нарпитам (т. е. скверно питаться в столовых, к чему призывают пропагандисты «Нового быта». — М. Г.)» [Костров 1930: 19]. Почему же партийного молодого человека так благожелательно встречают в мещанской семье с «барышней на выданье»? Ее родители заинтересованы в престижном женихе для дочери, а в эпоху нэпа это именно молодой партиец с хорошими карьерными перспективами. В пьесе «Охота за коммунистом» (sic! — М. Г.) лавочник мечтает выдать дочь за соседа, которого ошибочно принимает за «коммуниста» — у молодого человека серьезный вид, он ходит с кожаным портфелем¹. Судя по прессе тех лет, типична ситуация, когда партийный, женившись на комсомолке, начинает требо-

1 Интересно, что расхожие представления о серьезном молодом «коммунисте» могут быть соотнесены с приведенной в тексте иллюстрацией 3 (ниж-

вать от нее «мещанского» поведения (т. е. ведения домашнего хозяйства и заботы о его комфорте в ущерб былому активизму, а то и ухода из комсомола), а потом сам теряет к ней интерес именно потому, что она превратилась в домохозяйку и «обмещанилась». В результате он бросает «мещанку» и находит новую подругу-активистку — моложе, веселее и не обремененную заботами о детях и быте. Это явление художественно обобщено в агитпьесе «Мещанка» [Маринчик 1929].

Комсомолец-активист отвечает на предложения отнестись к загруженной хозяйством молодой жене по-товарищески: «Вы проповедуете товарищеские, дружеские отношения с женой, чтобы видеть в жене не только “жену”, но и товарища и друга. Но если мне нужны товарищи и друзья, то у меня их много, я их могу найти еще в клубе и на фабрике. А мне нужна жена» [Шор 1929: 105]. И это один из тех вопросов, на которые не в состоянии ответить идеология: понятно, что традиционная «мелкобуржуазная» семья — это плохо, но что предложить взамен? Троцкий предполагал, что в результате роста материальных и культурных условий быта в ходе социалистического строительства институт брака преобразится, в отношениях супругов установится «подлинное равноправие», их свяжет исключительно «взаимное влечение» [1923: 54]. Однако даже партийные функционеры не могли не признавать: утопические мечты о свободном «крылатом Эросе» Александры Коллонтай мешают решать насущные проблемы. О каком «крылатом Эросе» может идти речь, если в стране «алиментная эпидемия» (далеко не всегда бросившие семью мужчины, главные выгодополучатели прогрессивного законодательства, хотят и могут платить хоть какие-то алименты), «нужда, нищета, низкая заработная плата», тяжелые жилищные условия учащейся молодежи, распространены туберкулез и нервные расстройства? [Виноградская 1925: 137].

Карикатура в журнале «Смехач» в 1924 году отражает действительное положение дел: чтобы семья могла нормально существовать, кто-то должен заниматься бытом. Беспартийный муж при партийной жене готовит обед и нянчит детей; в обратной ситуации возникает «мещанский уют» с самоваром, пресловутой канарейкой и иконой на стене; когда оба партийные: в доме пусто и грязно, оставленный без присмотра ребенок привязан за ногу к ножке кровати, на стене портреты Маркса и Троцкого (рис. 8).

На практике очевидным образом возникали ситуации, когда партийная карьера никак не противоречила традиционным паттернам бытового поведения. В рассказе из сборника, посвященного борьбе с мещанством, приводится диалог активиста-комсомольца (маски-

няя часть), где в качестве атрибутов «активиста» приводятся нахмуренные брови и кожаный портфель.

рующегося мещанина) с невестой. Вместе они мечтают о будущем, перечисляя весь набор деталей мелкобуржуазного быта¹. В журнале «Бегемот» публикуется целая «методичка», разъясняющая, на какие именно уловки и хитрости следует идти мещанину, чтобы сойти за «своего» для советской власти².

Рис. 8. [Смехач 1924 (3): обложка] «Семейный быт (в четырех разновидностях — на выбор)». Рисунок Н. Радлова.

Fig. 8. [“Smekhach” 1924 (3): cover]. “Family life (in four varieties — to choose from)”. Drawing by N. Radlov.

- 1 «Погоди, Валя, вот кончу рабфак... А там через четыре годика, гляди, я врач... Ты в бархатном платье и высоких ботинках... У нас квартирка и обязательно, знаешь, такой красивый турецкий диван... и телефон, и ванная, и все-все удобства... само собой разумеется, и прислуга будет. — А чем я буду заниматься? — Ты? Исключительно по хозяйству. Одеваться там, в театр ходить, мало ли что! Я вообще люблю, когда женщина женщиной, а не так себе». Восхищенная и тронутая невеста хвалит приспособленца: «Хороший мой, комсомольчик (курсив мой. — М. Г.) мой. Умненький у меня. Все понимает» [Левин 1927: 6].
- 2 «1. Если ты беспартийный — ходи в церковь своего района. Если партийный — в церковь чужого района. 2. Не бей жену при посторонних. Помни, что ты — коммунист. 3. Подавая на улице руку упавшей гражданке — справишься сначала, происходит ли она из рабоче-крестьян. 4. Нет надобности для дальних прогулок совершать экскурсии. Если у тебя красивая жена — ты и так далеко пойдешь. 5. Если твоего сына зовут Михаил — говори начальству, что он так назван в честь «нашего уважаемого вождя, тов. Калинина». 6. Боясь исключения из партии, не забудь перед заседанием КК поставить свечу святому. 7. Если в старое время околоточный, бережно обняв, отвозил тебя, пьяного, домой — намекай на собраниях, что и ты побывал в тисках полиции» [Н-тов 1926].

Выявить мещан, мимикрирующих под идеологические требования времени, гораздо сложнее: они лучше маскируются, чем «классический обыватель», который «жил в домике с геранью на подоконнике, ходил в стеганом халате, поигрывал на флейте и сажал левкой в палисаднике» [Шитов 1927]. У некоторых из «революционных “мещан без канарейки”» в «чемодане можно найти маузер или кольт, а на самой нижней полке шкафа среди грязных носков и бутылок из-под рислинга — помятую и пыльную буденовку»¹. Этот, еще более опасный для режима мещанин занимает хороший пост с высокой зарплатой и очень доволен собой, потому что у него «закомпостированный билет до конечной станции» социализма² [Шитов 1927].

Карл Маркс как «икона советского мещанства»³

Рассказ в номере журнала «Бегемот» повествует о вынесенном в заголовок статьи «зловонном дыхании обывательщины на щеке революции» [Свэн 1926: 4]. Мещанское семейство тщательно воспроизводит пасхальные приготовления к годовщине Октябрьской революции: прислуга отмывает квартиру, «как когда-то перед Пасхой», обновляются занавески и ковры, а в кабинете отца семейства «большой портрет Карла Маркса, висящий над письменным столом, обертывают новым, ярко-красным шелком». Семейство дружно идет в баню, в том числе четверо детей — Клава, шестнадцати лет (еще «старорежимная»), Октябрина, Крематор и годовалый Кимчик⁴. Вечером

154

1 Впрочем, такое поведение можно трактовать и сочувственно: «...многие носители культурно-революционных сил, утомленные сверхчеловеческой, колоссальной работой, или разочарованные несоответствием желаний с достижениями, или соблазнившись “уютной жизнью”, вареньем на патоке, игрой в “подкидные дураки” и прочими игривостями, погружаются вплоть по свои уши в тину мещанского болота» [Кем хотят стать наши дети 1929: 4]. Но в таком случае «товарищам» точно надо помочь выбраться из этого болота.

2 «Вот он сидит с газетой в кафэ-столовой “Путь к коммунизму”. После крошки он ест шницель, после... — мороженое или трубочки с кремом..., не торопясь, просматривает “Правду” — нет ли чего-нибудь о его учреждении?» На работе он «говорит и пишет о коммунистической этике, о демократии, о режиме экономии. А после четырех часов... пилит жену за пережаренные котлеты, едет за город на служебной машине. Свою “идеологию” он, как вицмундир, надевает утром и снимает вечером. Побыл шесть часов коммунистом — и баста! Нужно “отдохнуть”!» [Шитов 1927].

3 [Бойм 2022: 59].

4 Октябрина — очень популярное в 20-е гг. женское имя, в честь Октябрьской революции. Крематор происходит от слова «крематорий», что связано с пропагандой использования крематориев (вместо традиционного захоронения тела в гробу в сопровождении церковных ритуалов) в 1920-е гг. [Малышева

ужин с сослуживцами главы семьи: «Слева и справа от трюмо под пестрыми бумажными веерами и портретами вождей протянуты ленты с лозунгами». Ведутся застольные разговоры, пародийно напоминающие о старом, дореволюционном «мещанстве»¹.

Мещанин из сатирической пьесы эпохи нэпа «Советская квартира», готовящийся к крупной мошеннической операции, приводит свое жилье в идеологически выверенный вид, чтобы притвориться добропорядочным гражданином Страны Советов и избежать внимания правоохранительных органов. Вместо Наполеона Бонапарта (кумир мещанства), св. Иоанна Кронштадтского и Писемского на стены водружается новый «иконостас». Тут и Маркс со Смоленского рынка, «что твой Бог Саваоф», и два Луначарских, выгодно купленных по цене одного Ленина, и Каменев. Троцкий тоже есть, на место Бонапарта, только «какой-то причесанный пошел, и одежда штатская». Мещанин-приспособленец ругает семью за неповоротливость в усвоении новых идей², но в итоге остается доволен предпринятыми усилиями: «Ну, кажись, по всей партийной мобилизации развесили... теперь комар носа не подточит... поглядеть приятно: советская квартира» [Криницкий 1924: 11–13].

Карикатура из журнала «Лапоть» демонстрирует характерную для визуального ряда и риторики эпохи картину семейного диспута между «старомодной» женой и «прогрессивным» мужем (рис. 9). Несмотря на комическую путаницу атрибутов и символики, родители и дети вполне довольны друг другом и не ссорятся: «Муж: Ну вот и красный праздник встретили — первое мая. Поздравляю тебя с праздником объединения трудящихся... Жена: Воистину Воскресе!» Возможно, здесь снова воспроизводится уже приведенная выше ситуация: партийный муж и беспартийная жена с «устаревшими» взглядами, которые, однако, не мешают внутренней гармонии и уюту, поскольку идеологические требования нового времени усвоены поверхностно, в рамках адаптации к новой действительности (см. также рис. 10).

155

2019]. Ким — аббревиатура, сокращение от «Коммунистический интернационал молодежи». О раннесоветской антропонимике см.: [Душечкина 2022].

- 1 «— С праздничком, — радостно говорит бухгалтер Симков и быстро опрокидывает рюмку вишневки. — И вас, — чокается Иван Николаевич. — Октябрь Воскрес, — продолжает Симков и ловко насаживает на вилку маринованный, скользкий грибок. — Воистину воскрес, — снова чокается хозяин. (На граммофоне Интернационал и Буденновский марш.) — У меня, извините, — продолжает Иван Николаевич, — только вот она — дореволюционная Клавдия, а остальные, знаете, все по новому быту. Сам же с ними и политграмоту прохожу». В духе времени они мечтают о новых орденах: например, Клары Цеткин 4-й степени, Луначарского с серпами и бантом, Коллонтай 3-й степени на шею... [Там же].
- 2 «Головотяпская публика, империалисты-черти. До сих пор не можете изжить ваших буржуазных предрассудков. Нет у вас никакой абсолютно концентрации идей» [Криницкий 1924: 11–13].

Рис. 9. [Лапотъ 1926 (13): 13] «Семейная чересполосица». Рисунок А. Радакова. «Пасха» в семейном кругу: у мужа за спиной портрет Маркса, а у жены — Богородичная икона, куличи исписаны актуальными лозунгами, а на пасхальных яйцах не только «ХВ», но и серп с молотом.

156

Fig. 9. ["Lapot" 1926 (13): 13] "Family mix". Drawing by A. Radakov. "Easter" in the family: the husband has a portrait of Marx behind his back, and the wife has the Mother of God icon, Easter cakes are covered with topical slogans, and on Easter eggs not only "XB" ("Christ is Risen"), but also a hammer and sickle.

Рис. 10. [Смехач 1925 (36): обложка] Мещанин празднует Рождество с семейством, но изворачивается и отрицает это: «Что вы! Что вы! Какой праздник? Какая елка? Уж нельзя служащему человеку и зеленью комнату убирать (выше — поскольку «Ильич» велел «насаждать леса» — М.Г.), или там на обед гуся зажарить, или от простуды коньку хватить — без того, чтобы его в религиозном предрассудке не заподозрили! Мещане вы, товарищи, вот что!»

Fig. 10. ["Smekhach" 1925 (36): cover] Petit bourgeois celebrates Christmas with his family pretending that he doesn't to avoid. To avoid criticism, he denies celebrating Christmas: "There is absolutely no holiday! No Christmas tree! I am a working man, why is it inappropriate to decorate my room with

evergreens? Or to roast a goose for a family dinner? Or to have some cognac because I've got a cold, without being blamed for religious superstitions? Comrades, you are philistines!"

Если отбросить сатирическое искажение, перед читателем предстает обобщенный образ «простого человека», которому хочется преуспеть на работе, быть на хорошем счету, а в частной жизни вести себя так, как он привык и находит нужным. В новых политических условиях ему приходится находить обоснования житейских тактик и практик, опираясь на идеологию, чьи максималистские требования он не готов разделять.

Заключение

В статье рассмотрен один из аспектов партийной борьбы с мещанством в эпоху нэпа на материалах прессы и публицистической литературы того времени. После революции сам термин «мещанство» принципиально изменил свое значение: в Российской империи это означало категорию городского населения, его средние слои. Второстепенным было значение, эквивалентное понятию «обывателя», то есть человека, склонного к индивидуализму, приобретательству, равнодушного к идеям социальной справедливости. После упразднения сословной системы именно оно стало единственно актуальным. Претензии к данной категории населения можно свести к следующему: «мещанин» — это человек, ставящий собственный комфорт и благополучие выше общественных идеалов, не желающий отречься от своих личных интересов во имя борьбы за советское настоящее и коммунистическое будущее. Иногда «мещане» откровенны в своем обывательстве, иногда — и это особенно осуждаемая группа — могут притворяться искренне «уверовавшими» в коммунизм, вступать в партию, но, по сути, добиваться новых привилегий ради достижения «старорежимных» целей. Анализ этого сатирического, гротескно искаженного образа позволяет сделать первые шаги в восполнении исследовательской лакуны и предположить, как воспринималась широкими массами аполитичного и воспитанного в прежней, досоветской системе ценностей населения коммунистическая идеология, ее теория и практика (например, новые советские праздники, новые требования к демонстрации лояльности в повседневной жизни).

Ожесточенной борьбе с мещанством приходит конец вместе с большинством специфических феноменов и практик эпохи нэпа. Границей стал «Великий перелом» 1929 г., когда за два-три года произошла общая, в том числе идеологическая переориентация советского государства и общества в рамках строительства режима тоталитарной власти И. В. Сталина. В 1920-е «мелкобуржуазный элемент оказался

повинен во всех недостатках пролетарского государства... мещанство рисовалось ужасным, вездесущим и вероломным, и его изменчивая физиономия показывалась во всех возможных местах... Во время нэпа постоянно говорилось о том, что “мещанство” коррумпировало рядовых комсомольцев и партийцев, цеховых рабочих и даже лидеров партии» [Вихавайнен 2004: 329]. В ходе социалистической реконструкции общества в 1930-х окончательно исчезает — с идеологической точки зрения — сама мелкая буржуазия, носитель и распространитель «мещанских» ценностей; бывший мелкобуржуазный элемент объявлялся органично влившимся «в классы рабочих и колхозных крестьян или же в прослойку трудящейся интеллигенции» [Там же]. Поэтому парадоксальным образом элементы мещанства — комфортное, консервативно обустроенное жилье, традиционная семья, конвенциональные художественные и литературные вкусы — стали допустимыми и одобряемыми, например, для рабочего-ударника или представителя новой элиты. Кроме того, в этот период во взрослую жизнь вступают поколения, воспитанные советской школой в условиях принципиально перестроенного общества. Настоящий перелом в этом вопросе происходит именно со сменой поколений. Происходит унификация социального состава общества, сходят с общественной сцены нэпманы, «бывшие», старая интеллигенция. Совершается переход «от раннебольшевистских, эгалитаристских ценностей» к традиционным [Лебина 2006: 233], что является одним из характерных признаков перехода от «Культуры Один» к «Культуре Два». В соответствии с этой концепцией следующий «заход» борьбы с «мещанством» приходится на новую волну «Культуры Один» на рубеже 1950–1960-х с характерной романтизацией эпохи «комиссаров в пыльных шлемах» и первого послереволюционного десятилетия, новыми, апеллирующими к упрощению и отказу от «формальных излишеств» эстетическими нормами, призывами к бескорыстному и искреннему служению комплексу идей обновленного и «десталинизированного», вернувшегося к «ленинским идеалам» коммунизма.

Библиография / References

Беловинский Л. В. (2015) *Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни*, М.: Новое литературное обозрение.

— Belovinskij L. V. (2015) *Encyclopedia of Soviet Everyday Life*, M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.

Бойм С. (2022) *Общие места. Мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение.

— Boym S. (2022) *Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie — in Russ.

Быт и молодежь (под ред. А. Слепкова) (1926) М.: Правда и беднота.

— *Everyday Life and Young People* (1926), Moscow: Pravda I bednota. — in Russ.

Виноградская П. (1925) *Крылатый Эрос товарища Коллонтай. Каким должен быть коммунист. Старая и новая мораль*. Сборник с предисловием Емельяна Ярославского. М.-Л.: Молодая гвардия: 132–144.

— Vinogradskaya P. (1925) *Winged Eros by Comrade A. Kollontaj. Moral Standards for a Communist. Old and New Morality*, Moscow–Leningrad: 132–144. — in Russ.

Виноградская С. (1929) *Воинствующий мещанин*, М.-Л.: Молодая гвардия.

— Vinogradskaya S. (1929). *Aggressive Philistine*, Moscow–Leningrad: Molodaya Gvardiya. — in Russ.

Вихавайнен Т. (2004) *Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции*, СПб.: Коло.

— Vihavainen T. (2004) *Inner adversary : the struggle against philistinism as the moral mission of the Russian intelligentsia*, Saint-Petersburg: Kolo. — in Russ.

Владимиров В. (1927) *Званный вечер (погона за коммунистом)*, Л.-М.: МОДПиК.

— Vladimirov V. (1927) *A Party (Hunt For A Communist)*, Leningrad–Moscow: MODPiK. — in Russ.

Воинов В. (1926) Гибкое словцо. *Бегемот*, (45): 3.

— Voinov V. (1926) Vague word. *Beghemot*, (45): 3. — in Russ.

Душечкина Е. В. (2022) Мессианские тенденции в советской антропонимической практике 1920–1930-х годов. Душечкина Е. В. «Строгая утеха созерцания». *Статьи о русской культуре*, М.: НЛО: 694–703.

— Ducheckkina E. (2022) Messianic Tendencies in Soviet Anthroponimics in 1920s–1930s. Ducheckkina E. *Selected Works on Russian Culture*, Moscow: NLO. — in Russ.

Жиромская В. Б. (2000) Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения). *Исторический вестник*, 1(5): 105–114.

— Jiromskaya V. (2000) Religiosity of Soviet People in 1937 (according to the materials of the General Population Census). *Historical Journal*, 1(5): 105–114. — in Russ.

Зоркий В. (1925) Некрасивая история. *Комсомольская правда*, (108): 5.

— Zorkij V. (1925) An Ugly Story, *Komsomolskaya Pravda*, (108): 5. — in Russ.

Иванова М. А., Желтова В. П. (2009) *Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX в.)*, М.: Новый хронограф.

— Ivanova M. A., Jeltova V. P. (2009) *Status Society in Russian Empire (18th — beginning of 20th centuries)*, Moscow: Novyj Khronograf. — in Russ.

Кем хотят быть наши дети? (1929) М.-Л.: ГИЗ.

— *What our kids want to be?* (1929) Moscow–Leningrad: GIZ. — in Russ.

Костров Т. (1930) *Культура и мещанство*, М.-Л.: Молодая гвардия.

— Kostrov T. (1930) *Culture and Philistines*, Moscow–Leningrad: Molodaya Gvardiya. — in Russ.

Криницкий М. (1924) *Советская квартира. Комедия в 3-х действиях*, М.: Московское театральное издательство.

— Krinitzky M. (1924) *Apartment in Soviet Style*, Moscow: Moskovskoe Teatral'noe Izdatel'stvo. — in Russ.

Лебина Н. Б. (1999) *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы*, СПб.: Нева-Летний Сад.

— Lebina N. (1999) *Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies*, Saint-Petersburg: Neva/Letnij Sad. — in Russ.

Лебина Н. Б. (2006) *Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки*, СПб.: Дмитрий Буланин.

— Lebina N. (2006) *Encyclopedia of Banalities. Soviet Everyday Life: Shapes, Symbols, Signs*, Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin. — in Russ.

Левин Б. (1927) *Обыватели*, Л.: Завод и Фабрика.

— Levin B. (1927) *Philistines*, Leningrad: Zavod i Fabrika. — in Russ.

Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. (2003) *Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в эпоху непа и хрущевского десятилетия*. СПб.: Дмитрий Буланин.

— Lebina N., Chistikov A. *Ordinary People and Reforms. Everyday Life in Cities During the Nep and In the Era of N. Khrushchev*? SPb.: Dmitri Bulanin.

160

Лин И. (1925) *Ячейкина дочь*, М.–Л.: Молодая гвардия.

— Lin I. (1925) *Komsomol's Daughter*. Moscow-Leningrad: Molodaya Gvardiya. — in Russ.

Маринчик П. (1929) *Мещанка*, М.–Л.: Tea-Кино-Печать.

— Marinchik P. (1929) *A Philistine Girl*, Moscow-Leningrad: Tea-Kino-Pechatj. — in Russ.

Мазовский К. (1924) *Стиль. Смехач*, (1): 15.

— Mazovskij K. (1924) *Style. Joker*, (1): 15. — in Russ.

Смидович С. (1930) *Мещанство. Малая советская энциклопедия*. Т. 5. Ст. 191–192.

— Smidovich S. (1930) *Philistinism. Small Soviet Encyclopedia* (1930) V. 5. Col. 191–192. — in Russ.

Малышева С. Ю. (2019) *«На миру красна». Инструментализация смерти в Советской России*, М.: Новый хронограф.

— Malysheva S. (2019) *“Glorious Public Vision of Death”. Death As Weapon in Soviet Russia*, Moscow: Novyj Khronograf. — in Russ.

Малышева С. Ю. (2005) *Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы*, Казань: Рутен.

— Malysheva S. (2009) *Soviet Festivities in the Periphery: Space, Symbol, Historical Myths*, Moscow: ROSSPEN. — in Russ.

Настольный энциклопедический словарь-справочник (1926) М.: Прометей.

— *Quick Reference Encyclopedia* (1926) Moscow: Prometej. — in Russ.

Н-тов А. (1926) *Мыслишки примазавшегося. Бежемот* (45): 7.

- N-tov (1926) Dubious Allegations. *Beghemot* (45): 7. — in Russ.
- Паперный В. (2016) *Культура Два*, М.: Новое литературное обозрение.
- Paperny V. (2016) *Culture Two*, Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.
- Рафаил М. (1928) *За нового человека*, Л.: Прибой.
- Rafail M. (1928) *A New Man Is Being Created*, Leningrad: Priboj. — in Russ.
- Свэн И. (1926) Топь. *Бегемот*, (44): 4.
- Swan I. (1926) Swamp. *Beghemot*, (44): 4. — in Russ.
- Слезкин Ю. (2019) *Дом правительства. Сага о русской революции*, М.: АСТ.
- Slyozkin Y. (2019) *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*, Moscow: AST. — in Russ.
- Степной Н., Казакевич О. (1925) *Ксения Неверующая*, М.-Л.: Государственное издательство.
- Stepnoy N., Kazakevich O. (1925) *Xenia the Non-Believer*, Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo. — in Russ.
- Троцкий Л. Д. (1923) *Вопросы быта. Эпоха культурничества и ее задачи*. Изд. 2-е доп. М.: Красная новь.
- Trotsky L. (1923) *The Family and Ceremony*. Second Edition. Moscow: Krasnaya Nov'. — in Russ.
- Шитов Ф. (1927) Мещанин без канарейки. *Комсомольская правда*, (205): 3.
- Shitov F. (1927) Philistine without a canary. *Komsomolskaya Pravda*, (205): 3. — in Russ.
- Шор С. (1929) *В поход за культурой. Культурная революция и задачи КСМ*, М.-Л.: Молодая гвардия.
- Shor S. (1929) *Campaign for culture. Culture Revolution and Tasks of the Komsomol*, Moscow-Leningrad: Molodaya Gvardiya. — in Russ.

Рекомендация для цитирования:

Графова М. А. (2022) «Зловонное дыхание обывательщины на щеке революции» — борьба с мещанством в Советской России в эпоху нэпа. *Социология власти*, 34 (2): 138-161.

For citations:

Grafova M. A. (2022) "Fetid Breath of Philistines on the Cheek of the Revolution": Combating the "Petite Bourgeoisie" in the Era of the New Economic Policy. *Sociology of Power*, 34 (2): 138-161.

Поступила в редакцию: 11.06.2022; принята в печать: 25.06.2022

Received: 11.06.2022; Accepted for publication: 25.06.2022